

**ОТВЕТ НА ВОПРОС,
или
ОСВИСТАННЫЙ ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ
ДРУГИМИ ЖУРНАЛАМИ
«СОВРЕМЕННОМУ»**

Давно припадала нам охота освистать «Современник», да все как-то совестились мы — все, знаете ли, неловко как-то: ведь под одною оберткою с ним являемся мы, хотя ничего общего, кроме обертки, не имеем, да и не желаем иметь. Усердие посвистать «Современнику» было у многих других, и усердие их нас пленяло, но пробы эти не удавались никому — выходило вместо веселого свиста беззубое, бранчивое шипенье, которого конфузились сами же наши неловкие соперники. Наконец—таки откликнулся хороший, умный, достойный отголосок — и кто же бы, думали вы, просвистал «Современнику» так, что любо было нам слушать звонкий, молодецкий мотив?

Кто отгадает? В награду дается «Кредит» г. Безобразова¹¹⁰.

— Фельетонист «Петербургских ведомостей»?¹¹¹

— Полноте что вы. Он умеет только сам себя же хлопать так, что жаль бедняка становится. Кто отгадает? В награду дается «Машка Гамильтон» г. Семевского¹¹².

— Знаменитый наш остроумец Н. Ф. Павлов?

— Что вы, что вы, прилично ли упоминать на страницах «Свистка» о вотяцком остроумии!¹¹³ Кто отгадает! В награду дается «Альберт» гр. Л. Н. Толстого¹¹⁴ с придачею «Клеопатры» в переводе г. Фета —

**Что другие все награды
Пред сокровищем таким?
(Жуковский)***

217

— Значит, уж некому быть, кроме Бай–Бороды?¹¹⁹

Полноте, никто не мог дочесть до конца писем Бай–Бороды против гг. Кошелева и Черкасского, а статейка, о которой мы говорим, так мила, так остра, так язвительна,

* Цитата ошибочная: г. Геннади поместил эти стихи в пьесе Пушкина:¹¹⁵

«Роняет лес багряный свой убор...»

Но по точнейшим исследованиям оказывается, что хотя они и действительно написаны на листке, лежавшем подле черновой рукописи этого стихотворения, однако же принадлежат известному гр. Хвостову¹¹⁶, листок из бумаг которого случайно остался на столе Пушкина. Неизвестно, на чем основывался автор статейки «Свистка», приписавший их Жуковскому, но самая возможность такой ошибки обнаруживает, что редакция «Свистка» не изучала исследований г. Буслаева¹¹⁷, положительно доказавшего, что тут скрывается драгоценный след эпического воззрения: слово награда (= скандинавскому *gardarik*, как обозначается Русь в сагах) происходит от слов городить город; а из этого ясно, что предки наши представляли себе награду в виде Валгаллы (огороженная зала, wall стена и halle зала) скандинавов. Валгаллу, место награды павшим в битве героям, воображение скандинавов населило валкириями, вечно юными девами (невольно вспоминается при этом греческий миф о Гебе, данной Юпитером в награду Геркулесу). Итак, очевидно, что под «сокровищем», о котором говорит гр. Хвостов, надобно понимать валкирия или сербскую вилу, и эпический смысл двустихия:

Что другие все награды
Пред сокровищем таким, —

открывается следующий: «моя вила или валкирия так прекрасна, что затмевает собою всех ваших валкирий». Если же так, то ясно, что стихи эти взяты графом Хвостовым из эпической народной песни, изображавшей ратоборство славянского Перуна с скандинавским злым божеством Фенриром, имевшим вид громадной собаки. Перед боем, по эпическому порядку, противники хвалятся один перед другим. Фенрир должно быть сказал Перуну: «Если ты убьешь меня, я буду жить в Валгалле с прекрасными валкириями, потому не страшусь смерти». Перун же на это отвечает ему: «А я еще меньше боюсь смерти, потому что наша славянская вила, с которой буду жить я по смерти, прекраснее всех ваших валкирий». Так восстанавливается наш утраченный народный эпос по этим двум стихам. Битва Тора (соответствовавшего нашему Перуну) с Фенриром составляет эпизод в Муспилли, великой битве Асов с Локе и его сестрою Гелою. Вот доказательство, что у языческих славян кончина мира представлялась следствием битвы светлых богов с черными враждебными свету силами ночи и ада (вспомним Белбога, параллельного Бальдуру). Г. Афанасьев в своих зооморфических божествах¹¹⁸ справедливо замечает, что обычное у славян сечение детей розгами служило некогда символом смерти Бальдура, поражаемого веткою омелы (смысл обычая утратился, но самый обычай свято хранится). Мы представили здесь только краткое извлечение из прекрасного изыскания г. Буслаева, у которого читатель найдет все необходимые подробности. Вот какие драгоценные черты народного эпоса и языческого мирозерцания открывает ученое исследование в двустихии, по–видимому ничтожном:

Что другие все награды
Пред сокровищем таким?

что каждый назовет ее украшением нынешнего «Свистка». Где вам отгадать ее автора, — мы говорим о статье почтенного редактора «Чтений в обществе истории и древностей российских», да его, О. М. Бодянского¹²⁰.

— О. М. Бодянского!?!? О. М. Бодянский острит? Он, автор «Глаголицы» и исследования о годе изобретения кирилловской азбуки?¹²¹

— Да, он, и превосходно острит, и мы не дивимся: потому что г. Бодянский не только гражданин в серьезном смысле, не только ученый славянин, не только редактор «Чтений», напечатавший в них столько драгоценных исторических материалов, которых не успел бы напечатать никто другой, — нет, О. М. Бодянский также остряк, когда хочет быть остряком.

218

Но погодите, начнем по порядку. В декабрьской книжке «Современника» за прошлый год напечатан был разбор последних трех книжек «Чтений». Тут замечалось между прочим, что статьи о современных делах в «Чтениях» не так хороши, как материалы по старинному времени. Мы вперед знали, что почтенный редактор «Чтений» не оставит этого без реплики, — не было еще примера, чтобы он спускал когда кому, если кто скажет что не по нем, —

Не родилась та рука заколдованная
Ни в дворянском роду, ни в купеческом¹²²,

по которой бы не стукнул О. М. Бодянский своим славянским кулачком, если она чуть до него дотронется. И точно, он не замедлил пристукнуть дерзкую рецензию — и, что всего лучше, пристукнул с отличным присвистом.

Сначала он немножко сердится; но бог с ним, мы—то на него уж не рассердимся за это. А вот послушайте, что следует за первыми несколько суровыми звуками, — это уже свист, чистейший благозвучнейший свист:

«Современник» замечает, что «современная история вообще как—то плохо удается «Чтениям». Но, во—первых: «мы ходим *древними* путями и совратились бы с них и вступили бы на пути новые и стропотные, если бы приняли таковые притязания», кто—то когда—то сказал кому—то в положении, нашему подобном. Современным мы занимаемся лишь по отношению к древнему: это вытекает из того состояния, в котором не одним нам суждено вращаться. Во—вторых: кому же современность удаётся у нас? У кого бы, кажись, более всего искать современной истории, как не у «Современника», и, однако же, где же она у него? Не его ли и всех современных и несовременных русских журналов и газет составляет она то тайное вожделение и постоянное вздыхание сердца, к которому стремились, стремимся и не перестанем стремиться, дондеже постигнем? Зачем же то колоть другим глаза отсутствием того, чего не больше и у вас самих? Ведь это просто сбивается на русскую пословицу: «Кума, а кума! Сойди с ума, купи вина!»

О. Бодянский

Января 2—го, 1861 г.

Москва.

Правда, правда, прямодушный Осип Максимович! О, да как же ловко освистали вы — не «Современник» один, а все наши журналы, все, все! Правда, да ведь свист и бывает тем хорош, что правду свищет.

Мы посетуем на вас за одно, Осип Максимович: зачем вы не прислали эту молодецкую реплику для напечатания

прямо в «Современник», затронувший вас? Он с удовольствием напечатал бы ее.

Эх, только тем и отведешь душу, что иной раз кольнешь глаза другому отсутствием того, чего и у самого почти столько же! Пиши о варягах, о г. Погодине, о Маколее и г. Лаврове с Шопенгауэром, о Молинали и письмах Кэри президенту Соединенных Штатов¹²³. И сиди за этою белибердою, ровно никому не нужною, кроме как разве для нагнания сна, — и сиди за нею, да еще — чего доброго — услышишь потом о себе от добрых людей «какую интересную статью написал г. NN о г. Лаврове, как он мастерски высказал все, что хотел, и как много чрезвычайно важного, полезного, живого высказал!»

219

Да, Осип Максимович, вы поверите: тяжело писать эту дребедень, унизительно, отвратительно писать ее, а еще тяжелее, унизительнее слушать, что ее хвалят, что тебя многие уважают за нее. Это довольство бесцветною, бесполезною отвлеченностью, эти похвалы ей показывают, что не найдешь ты опоры, чтобы подняться из своего унизительного положения, что еще не нужен писатель никому ни для чего, кроме как для пустяков. Грустно, Осип Максимович, быть писателем человеку, который не хотел бы прожить на свете бесполезным для общества говоруном о пустяках.

Будьте же здоровы, Осип Максимович, и честь вам за то, что вы, начав досадою и кончив правдивою, едкою шуткою, подали «Свистку» случай, начав шуткою, кончить не шуточным — в первый и в последний раз — свистом, а визгом стесненной груди¹²⁴.

220